

НОВЫЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ¹

История русской классической литературы XIX века – казалось бы, нечто устоявшееся, едва ли не застывшее и уж во всяком случае не подлежащее пересмотру, – получила новое воплощение благодаря труду большого коллектива авторов. Безусловной заслугой организаторов и редакторов этого издания стало привлечение к участию в ней литературоведов разного профиля: как преподавателей высшей школы, так и сотрудников академических институтов. В результате удалось соединить в одно нерасторжимое целое последние достижения науки, высший филологический уровень и тип книги, ее жанровую структуру – структуру вузовского учебника. Необходимость такого труда очевидна, так как за последние десять лет слишком многое изменилось в сознании российского общества, гражданского и научного, слишком серьезные качественные сдвиги произошли в русской и мировой филологии, чтобы продолжать учить современных студентов по старым учебникам. Впрочем, добросовестность и корректность авторов нынешнего издания позволили ввести уже в первую его часть лаконичный, но насыщенный рассказ об истории изучения литературы XIX века, назвать и охарактеризовать все основные этапы этого изучения, с благодарностью упомянуть «знаковые» имена ученых, представителей различных научных школ. В каждой главе о том или ином писателе или поэте дается обзор научной литературы в историческом аспекте. Любовь к «наставникам, хранившим юность нашу», сама по себе способна воспитывать и образовывать молодое поколение. Пожалуй, стоило бы добавить в этот раздел упоминание о той роли, которую сыграла в развитии историко-литературной науки XX века текстология. Ведь именно благодаря мощным текстологическим школам, возникшим в Институте мировой литературы и Пушкинском Доме, в процессе подготовки академических Полных собраний русских классиков – Пушкина, Достоевского, Тургенева, Толстого, Чехова – были получены те новые результаты, сделаны те новые выводы о творчестве названных писателей, открыты те новые закономерности историко-литературного процесса, которые стали необходимым условием развития истории литературы как науки.

Любой учебник всегда стремится к решению трех задач: воспитать, научить, образовать (т.е. сформировать у адресата-студента способность самостоятельно, исследовательски мыслить). Учебное пособие обязано сочетать учебно-методический, воспитательный и научно-исследовательский аспекты. Авторы данного учебника скрупулезно старались выполнить все эти задачи.

В наше непростое время в филологии как-то не очень принято говорить о патриотизме, духовности, подвижничестве. Поэтому отрадно, что в данном учебном пособии изначально и твердо, с первых же страниц, заявлено о главном предмете книги – «русской духовной культуре», «художественном человековедении», русской классической литературе, которая донесла до наших дней «возвышенные идеалы русского народа – героизма и гражданственности, подвижничества и верного служения Истине, Добру и Красоте»².

¹ История русской литературы XIX века: 1800-1830-е годы: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2001; История русской литературы XIX века: 40-60-е годы. Учебное пособие / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой. – 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2001; История русской литературы XIX века: 70-90-е годы: Учебник / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой, В.Б. Катаева. М.: Изд-во МГУ, 2001.

² История русской литературы XIX века: 1800-1830-е годы. Ч.1. С.5.

Главное достоинство рецензируемого учебника с точки зрения учебно-методической – это неуклонное следование принципу *историзма* в самом широком плане. Особенно уместным этот принцип оказывается в традиционно трудном разделе о периодизации литературного процесса. В абсолютно точных формулировках здесь дается представление о разных подходах к этой проблеме, о разных принципах периодизации (персональном, хронологическом, «по направлениям») и их вариантах, возникших на разных этапах развития литературной критики и филологической науки. Но самое существенное – то, что принципы и подходы эти осознаются как *исторически подвижные*, зависящие от характера литературно-исторической эпохи. Авторы подчеркивают дискуссионность данной проблемы и точно направляют мысль читателя: «Цель периодизации – не создание жесткой схемы, а обозначение ряда главных ориентиров на каждом этапе литературного движения»³.

Важнейшую учебно-методическую роль играют такие структурные составляющие учебника, как обширная библиография в каждом разделе, учитывающая новейшие, в том числе зарубежные, публикации; наличие именных указателей (к сожалению, именной указатель отсутствует в первой части, и это единственное, что несколько нарушает целостность издания); обширные синхронистические таблицы, отличающиеся полнотой привлекаемого материала и позволяющие соотнести литературный процесс с ходом русской и мировой истории, с развитием критики, публицистики, журналистики, эстетики, музыки, живописи, архитектуры, скульптуры. Обращаясь к этим таблицам, студент видит все многообразие и многосложность культурной и общественной жизни, он понимает, что славянофилы и западники, либералы и консерваторы, «Русская беседа» и «Современник», «Ясная поляна» и «Эпоха», «Полярная звезда» и «Атеней» – все это звенья одной цепи, которые невозможно оторвать друг от друга, несмотря на существующие различия между ними. Составители таблиц знакомят читателей с яркими публикациями в журналах, выдающимися явлениями русской культуры, рассказ о которых невозможно было поместить в основной текст книги из-за ограниченности объема.

Функцию расширения объема изучаемого материала выполняет, наряду с синхронистическими таблицами, и система заданий для самостоятельной работы студентов. Темы и вопросы сформулированы так, чтобы развернуть или дополнить, а подчас и ввести новые, не затронутые в главах, но актуальные для той или иной отрасли науки (пушкиноведения, некрасоведения, чеховедения и др.) проблемы.

Ценное качество издания, состоящего из трех частей и четырех томов, – это его структурное и идейное единство, соразмерность частей и глав. Участники издания – ученые разных школ, вкусов, стилей, но они остаются единомышленниками в широком смысле слова, у них есть «чувство локтя», они умеют, сохраняя индивидуальность, соотнести свою позицию с позициями других и с общей концепцией учебника. Книга превращается в коллективную монографию. Особенно это заметно при объяснении сложных, не до конца решенных вопросов науки.

Например, в главе о жанре «Мертвых душ» Гоголя говорится об уникальности художественной природы этого шедевра, но эпитет «уникальный» не остается только оценочным – он наполняется конкретным литературоведческим содержанием: автор вводит информацию о гоголевских определениях романа и эпопеи в «Учебной книге словесности для русского юношества», уточняет жанровые признаки «Мертвых душ» и делает вывод о синтезе различных художественных и жанровых традиций как основе великой «поэмы»⁴. В этом фрагменте учебника нет отсылки к статье Л. Толстого «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”», но глубинная связь «гоголевской» и

³ Там же. С.11.

⁴ История русской литературы XIX века: 1800-1830-е годы. Ч.2. С.230.

«толстовской» глав ощущается: ученые в равной мере тщательно и любовно стараются выявить суть замыслов Гоголя и Толстого⁵, не подчиняя эту суть новейшим терминологическим изыскам (например, определению жанра «Войны и мира» как «книги»), но соотнося авторские эстетические искания с современными литературоведческими представлениями.

Удивительно и в то же время знаменательно, что крупнейшие исследователи, представители «высокой» науки, не превращают творчество «своих» художников слова в мертвый материал для препарирования, как это часто бывает, но умеют передать читателю свое восхищение, заразить его своей любовью и научить понимать человеческую сущность гения. Просты и потрясающи слова о «потребности любви» как основе жизни и творчества Льва Толстого⁶, о том, что Гоголь «горячо верил в способность человека “быть лучше” и особые надежды возлагал на русского человека»⁷, о том, что Некрасов не «некрасив», но «прекрасен», а масштаб его эпического видения – «от седой былинной древности до мерцающего в будущем золотого века России»⁸, о том, что Чехов в своей последней пьесе «зафиксировал то состояние русского общества, когда от всеобщего разъединения... до окончательного распада и всеобщей вражды оставался лишь один шаг»⁹. Можно усомниться в том, что Чехов показывал, будто «никто не знает настоящей правды», «разбивал иллюзии», «не давал ни на чем успокоиться», «ни в чем найти утешение»¹⁰. Но нет сомнений в том, что те, кто писал эти слова, глубоко знают, любят и могут раскрыть тот литературный феномен, изучению которого посвятили свою жизнь.

В учебнике высказано множество свежих идей, снят пласт политико-идеологических шаблонов, исключено прямолинейное социологизирование при всем внимании к историческим и общественным явлениям. Например, неожиданно, но верно звучит мысль о том, что ленинская концепция творчества Л. Толстого как «зеркала русской революции» выявила не столько противоречия великого художника, сколько противоречия самой революции и предопределила противоречивость литературоведческих трактовок толстовского наследия, все крайности и «перегибы» некоторых построений толстоведов¹¹. Главы об Островском, Некрасове, Чернышевском и многих других рисуют новые портреты этих художников, демонстрируют глубину, сложность и неоднозначность их мировоззренческих установок, заставляют понять неоднозначность их творческих решений и отказаться от упрощенного восприятия Островского как обличителя купеческого самодурства, Некрасова как апологета Гриши Добросклонова, Чернышевского как «политического» писателя.

Признавая, что весь XIX век прошел под знаком «народности и патриотизма»¹² и поэтому в прежних историях литературы доминировала «мысль народная», не отрицая плодотворности такого подхода, авторы учебника вместе с тем корректируют его и вводят в структуру книги «мысль семейную». В частности, удачей следует считать главу о семействе Аксаковых – к сожалению, этот опыт характеристики родового литературного «гнезда» остался единичным, хотя и репрезентативным, т.е. ярко свидетельствующим о том огромном значении, которое имели в русской культуре семейные традиции, литературные салоны и кружки.

⁵ История русской литературы XIX века: 70-90-е годы. С.459.

⁶ Там же. С. 497-498.

⁷ История русской литературы XIX века: 1800-1830-е годы. Ч.2. С. 231.

⁸ История русской литературы XIX века: 40-60-е годы. С. 412, 433.

⁹ История русской литературы XIX века: 70-90-е годы. С. 611.

¹⁰ История русской литературы XIX века: 70-90-е годы. С.608.

¹¹ Там же. С. 429-430.

¹² История русской литературы XIX века: 1800-1830-е годы. Ч.1. С. 6.

Следует отметить такие интересные и новые, необычные для вузовского учебника разделы, как раздел о читателях эпохи первой четверти XIX века и о книгоиздательской деятельности А.Ф. Смирдина, о сложившихся к 1880-1890-м годам литературоведческих школах, об авторах, ранее не включавшихся в историю литературы XIX века (К.К. Романов, В.В. Розанов).

Наконец, нельзя не сказать о великолепном, на уровне изучаемых писателей и поэтов, языке и стиле, которым написаны все без исключения главы учебника. Язык — душа народа и человека, принадлежащего к этому народу. Язык и душа нового учебника прекрасны и потому необходимы для современного студенчества.